

Сергей Ростовцев

Антигиляторы

Вперёд в КОММУНИЗМ!!!
Или эротическое порно?

СОДЕРЖИТ
НЕЦЕНЗУРНУЮ
БРАНЬ

18+

Сергей Юрьевич Ростовцев

Аннигиляторы

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=51803430

SelfPub; 2020

ISBN 978-5-532-06961-9

Аннотация

Знакомо ли Вам чувство ревности? Видели ли Вы, как Ваш партнёр занимается сексом с другими? Как Вы к этому отнесётесь сегодня? А как к этому отнесутся ваши друзья – вчера или завтра? Какое изобретение могло бы изменить это отношение? Если возникнет доступное устройство дающее неограниченную энергию, и превращающее все во всё что угодно – это изменит общество? Как будет реагировать власть? Как измениться семья и отношения в ней? Ответы в книге. Автор активный участник секс-революции 70-х, и в том, что описано в книге, дока. Дважды разведен. Нонконформист фантазёр, биолог, астрофизик. Содержит нецензурную брань.

Содержание

Предисловие	4
Пролог.	8
Марта	11
Септалёты	24
Витамины	32
Дом	40
Каторга	47
Домой	52
Марта о себе	57
Конец ознакомительного фрагмента.	66

Предисловие

Это вторая книга дилогии «Септолёты». Но с первой книгой она связана чисто условно.

После событий описанных в книге «Веgetариане», прошло 300 лет.

И сюжет, и его развитие этой книге посвящены одному – показать, как отношения к собственности на средства производства и на саму собственность связаны с устройством общества и семьи.

Кому-то покажется, что это эротика, кто-то увидит порнографию. Тут как посмотреть. Кого-то возбудит и показанный ему средний палец. Для него это будет эротикой. Здесь есть описание сцен секса без купюр и даже ненормативная лексика. Но мата нет. Мат, это когда мы плохого человека выгоняем, посылая или на детородный орган мужчины, или в детородный орган женщины. Когда выражаем своё отношение к человеку сообщая ему о (якобы) наших сексуальных отношениях (бывших или будущих) с его матерью или сообщая ему, его гомосексуальную ориентацию, не в сексе, а по жизни. Мат, это когда упавший на ногу тяжёлый предмет, мы называем женщиной, имеющей большое количество сексуальных партнёров. Это не просто ненормативная лексика – это ругань.

В книге, ненормативная лексика применяется исключительно в её смысловом значении. Половые органы и их взаимодействие, не всегда на латыни. Но это не мат. Если вас это смущает, отложите эту книгу в сторону.

Откровенно описываемый секс и обозначение половых признаков на русском языке не цель, а только инструмент, дающий возможность ярко показать изменение морали в связи с переменной отношения к собственности.

А что было изначально?

Изначально у члена социума не было собственности. И коллективный брак внутри племени, обладавшего огнём и пещерой, был нормой.

Потом появилась собственность. Даже самих людей стали делать собственностью. До полной мерзости в развитии этого, дошли в тех странах западной Европы, где появился закон о праве первой ночи. Закон о том, что хозяину положено первому вступить в половые отношения с девушкой, до того, как она вступит в брак со своим избранником. Это не просто насилие. Это насилие, возведенное в закон.

Это было падение морали социума по сравнению с коллективным браком.

Потом пришёл капитализм и секс стал элементом торговли. Там всё продавалось и всё покупалось.

Выбирать то, что более гнусно и вонюче: «право первой ночи» или «всё продаётся и всё покупается», я не буду. Побережём обоняние.

Пришел социализм. Собственность на средства производства общая, то есть государственная. Но личная собственность не исчезла. Квартира, велосипед, телевизор, кровать, сервант, вилки, стиральная машина, холодильник и даже детские игрушки остались собственными или собственностью семьи. Браки стали моногамными и заключались по любви. Муж и жена принадлежали друг другу. Измена и секс за деньги стали аморальны.

В моральном отношении, это был огромный шаг вперед. Теперь не было законов, по которым женщину могли насиловать или покупать.

Но развитие общества, неумолимо связано с развитием технологий. Если раньше кричали «Хлеба и зрелищ!», то сегодня, с появлением компьютера, зрелища стали настолько дешёвы, что государствам приходится придумывать очень изощрённые, а иногда очень гнусные меры, чтобы заставить граждан работать.

Но теперь представьте, что появились устройства, делающие без всяких ограничений доступными и хлеб, и зрелища, и прочие материальные блага.

Как изменится общество? Что будет делать власть и как изменится отношение к семье? Что будет с семьёй, когда собственность станет не нужна? Когда у всех всё будет? Как супруг может принадлежать супругу, если не нужна собственность даже на стиральную машину? И как на это будет реагировать власть? Власть будет нужна?

Я придумал героев и поместил их в это общество. А потом с интересом наблюдал, что они начнут творить и вытворять. Я описывал их поведение, и мне было интересно.

«А если у меня будет только один мужчина, и когда он меня трахает, я буду мечтать о других или даже представлять, что это не он, а они меня трахают? Вы что, мальчики, из меня шлюху хотите сделать?» – Спрашивает одна из героинь нескольких своих сексуальных партнёров.

Надеюсь, и вам будет интересно проследить за происходящим.

Вперёд, в КОММУНИЗМ!!!

Пролог.

Марк Лукьянов, плотный мужчина сорока – сорока пяти лет, проснувшись, ударил ладонью по стене. В том месте, где он ударил, была мозаика с нарисованным циферблатом. Свет в комнате перестал мигать, и резкий запах лаванды тоже исчез.

Конечно, можно было не лупить стену, а просто до нее дотронуться. А можно было просто встать с ложа, и будильник, заставлявший мигать свет в комнате и распространяющий запахи, заткнулся бы. Но Марку снился хороший сон, и он был недоволен пробуждением.

– Сука! Не могла дождаться, пока быстрый сон закончится? – прорычал он настенной мозаике.

Он сам отключил опцию «не будить во время быстрого сна». И всё из-за того, что чаще всего ему снились кошмары, которыми когда-то кончился его брак. Но сегодня был какой-то очень хороший сон. Хотя его содержания он уже не помнил.

Он нажал на пульте, лежащем рядом с ним, кнопку «памяти» и загнал все свои сегодняшние быстрые сны, вернее, их электро-импульсы, в 3072 стек. «Потом гляну», – подумал он.

Время поджимало. Нужно было собираться на работу. Сегодня он работал с Мартой. Работать с Мартой ему бы-

ло очень приятно. Ему нравилась эта девочка. Марта приехала в Екатеринослав из Якутии и теперь училась в университете. Когда она поворачивала к Марку свои огромные зелёные чуть-чуть раскосые глаза, у него перехватывало дыхание, и если бы она смущённо не опускала своих длиннющих ресниц под взглядом Марка, он мог бы умереть, упав бездыханным. Это было, конечно, преувеличение, но часть правды в этом явно была.

Марте, окончившей второй курс Екатеринославского биофака, было всего девятнадцать. У неё была летняя практика.

Сказать, что она была привлекательна – ничего не сказать. Её хотелось обнимать, целовать, мять или хотя бы дотронуться. Но делать этого было нельзя, и от противоречивых чувств у Марка при встречах с ней случалось полубморочное состояние.

Марк всеми силами старался не рассматривать её как объект влюблённости. Он старался не заглядывать в её и так очень скромное декольте расстёгнутых пуговиц рабочего комбинезона. Надевала ли под него Марта хоть что-нибудь?

Но слишком велика была разница в возрасте. Он понимал, что шансов у него совершенно никаких, хотя дыханию приказать было трудно.

Сегодня им нужно было пробить участок a1264в4087. Пробить означало собрать полную биокартину о растительном, животном и грибном макромире этого участка.

Марк работал зав. отдела экологии при муниципалите-

те Екатеринослава. Отдел состоял из шести самых больших (как считал Марк) разгильдяев.

Сегодня, нужно было просканировать шестнадцать квадратных «кэмэ». А учитывая, что на этом участке было небольшое, но достаточно глубокое озеро, куча оврагов и ключей, работа должна была занять весь день.

Марта

Не каждый день ему выпадало удовольствие работать с этой девочкой, но чаще, чем другим. В том, что компьютер-распределитель чаще давал её в напарницы именно ему, было маленькое мошенничество. Марк поставил предпочтение для одной из двух других пар, что ему, как начальнику, разрешалось, и компьютер чаще давал Марту в напарницы или ему, или Вере Семёновне, которая предпочитала оставаться в муниципалитете, на обработке сканирования. Вера Семёновна не любила летать, даже в автоматическом режиме и была благодарна Марку, когда он оставлял её у компьютера в микроклимате помещения муниципалитета.

Желая ещё минутку полежать, Марк переключил потолок в режим зеркала и осмотрел себя.

– Ничего. Сойдёт для сельской местности, – сказал он, слегка скривившись на появившийся животик и недостаточно накачанные плечи. Он напряг мышцы. Черные вьющиеся волосы и кожа с бронзовым загаром отвлекли его от недостатков. Да и животик, если лежать на спине, был виден не так сильно.

И, понравившись себе, как всегда, одним движением вскочив с ложа, которое тут же скрылось в стене, он подошёл к хранителю.

Внимательно и презрительно осмотрев имеющиеся там полуфабрикаты, достал кусок конопляного пирога с «говядиной» и засунул его в нагреватель. Это было имитацией, но рисковать было незачем.

Когда пирог нагрелся, Марк вытащил его из нагревателя и подошёл к полуметровой мраморной фигуре слона с большой лампой в хоботе, стоявшей в углу.

Открыв седло слона, он бросил в открывшееся отверстие пирог и набрал на пульте внутренней стороны слоновьего седла свою любимую комбинацию – комбинацию жареного, светлого черепашьего мяса.

Слон на самом деле был вовсе не светильником, хотя и светильником он тоже был. Слон скрывал в себе настольный аннигилятор, компьютер и чунити, с загруженной в компьютер чунити-базой.

Настольные аннигиляторы, эти микро-электростанции и чунити, преобразователи, превращающие всё во всё, федеральной властью были строго запрещены.

Золотой век человечества, только начавшись, был прерван властной рукой федералов.

Эх! Как было жаль Марку этого века.

Триста лет назад, когда предок Марка разделался с вегетарианами, человечество заразилось коммунизмом. Это был военный коммунизм. Но каждому члену общества в рамках имевшихся ресурсов предоставлялось всё необходимое.

Ресурсов было мало. И людей было мало.

Развёрнутая программа клонирования провалилась. Потомки клонированных людей в третьем поколении оказались практически бездетны. Были исключения. Было достаточно исключений. Но в своей массе каждая тысяча потомков клонированных людей давала максимум двести детей. И хотя эти двести потомков по плодовитости уже ничем не отличались от нормы, этого было мало, и это угрожало всему генетическому фонду человечества.

Клонирование свернули. И вот за триста лет человечество едва перевалило за четыреста миллионов человек. И такая ситуация требовала от всех граждан работать. А для работы были нужны серьёзные стимулы. Эти стимулы создали, покончив с военным коммунизмом.

Положение людей и их социальный статус всего за пару поколений привели к появлению слуг и господ.

И вдруг двадцать пять лет назад братья Смирновы создали настольный аннигилятор.

Энергия, которая раньше двигала только космические корабли, стала бесплатной для каждого дома. Это прошло безболезненно, так как кроме энергии человеку нужно было ещё многое, что заставляло его работать.

Но восемь лет назад Тао Рубинштейн создал преобразователь «Чунити».

С помощью чунити, пользуясь дармовой энергией аннигилятора, можно было получить любое вещество из любого.

В инфонте разные программисты на ЕТПЧ писали для чу-

нити программы, обменивались ими. Программы были для различных нужд и писались тысячами. Возникла БАЗА.

Любая прихоть обладателя настольного аннигилятора и чунити могла быть выполнена почти мгновенно.

Все, кто сумел приобрести Чунити у умельцев, которые их делали, были просто счастливы.

Все, кроме федеральной власти и власти новых господ.

Вакханалия счастья продолжалась пять лет. И счастливи-
чки были готовы многим поделиться с остальными.

Но федералы под предлогом того, что маньяки используют настольный аннигилятор для уничтожения человечества, его запретили, ввели жёсткие наказания за владение аннигиляторами и чунити. Нарушителей лишали социального статуса и отправляли на пожизненную каторгу. Аннигиляторы, чунити и компьютеры с базами конфисковывались.

Возникшее движение обладателей чунити было малочисленным, и его тут же раздавили. Еды хватало и без чунити. Люди смирились, боясь потерять то, что у них было.

Но разве за всем уследишь? Разве всех поймаешь?

Умельцы маскировали аннигиляторы и чунити.

Если гражданин работал, заказывал всё, что необходимо, за получаемую оплату, он был вне подозрений. Но как только система вычисляла пониженные требования гражданина, к нему направлялся обыск.

Но смешные эти федералы. Обыски почти никогда ничего не давали. Пониженные требования чаще были чертой ха-

рактера жмотов, а не обладателей аннигиляторов и чунити.

Марк закрыл «слона» и съел изумительно пахнущее, нежнейшее черепашее мясо. Потом бросил для запаха на язык лист конопли, которая росла у него за окном, пожевал его, надел комбинезон и вышел из апартаментов.

Поднявшись на крышу, Марк вошёл в стоящий там септалёт, включил автомат и полетел на встречу с Мартой.

Можно было лететь и на ручном управлении. Так было бы на пару минут быстрее. Но Марку хотелось немного продлить предвкушение встречи с Мартой. Хотелось помечтать о ней перед встречей, представить, как он целует ей то, что скрывает рабочий комбинезон.

Марк не специально так делал, но так получалось.

У него был хороший септалёт. На нём были самые мощные двигатели и новые атомные батареи. Но кроме этого был ещё небольшой секретный ресурс.

Внутри большого центрального движка находился аннигилятор, который в течение десяти секунд мог в три раза увеличить мощность двигателя.

Марк уже пару раз испытывал этот эффект, когда был один над лесом, и небо было затянуто грозowymi тучами. Но возможности, которыми он так гордился, применять открыто было нельзя. Риск оказаться на каторге Марку не улыбался.

Подлетев к мемориалу погибших за Новороссию, около которого и находился муниципалитет, он увидел Марту.

«Никогда не опаздывает». – Подумал он.

– Привет! Как дела?

– Здравствуйте, Марк. Дела как обычно, – сказала Марта, запрыгивая в септалёт.

– Что-то ты невесёлая, – сказал Марк, набирая высоту.

– А чего веселиться? С мамой плохо, а лекарства не выдают.

– А что за лекарство?

– Фемисталин бета.

– А почему не выдают, и что такое плохо?

– Плохо – это то, что, как говорят врачи, маме осталось не больше чем полгода. Вода в лёгких. Фемисталин помог бы восстановить функцию почек. Клонировать почку ведь запрещают? Хотя маме уже не рожать.

– Проблема. Обсудим чуть позже.

Марк отключил автомат, и септалёт взмыл вверх по дуге и, достигнув высоты в километр, стал падать прямо на заданный участок.

Опустившись на поляну, Марк предложил Марте выйти и потом совершил должностное преступление. Он ввёл в память септалёта программу полёта и запустил программу сканирования. Через три часа, просканировав всю территорию, кроме двух глубоких балок и озера, септалёт должен был сесть на берегу озера.

От поляны до озера было метров шестьсот. Марк и Марта, пройдя по лесным тропинкам, через двадцать минут были

на берегу.

День был солнечным, песчаный берег чистым, а вода тёплой.

– Искупаемся?

– Я без купальника.

– Ну, не будем друг на друга смотреть.

– Ладно, – сказала Марта, улыбнувшись, и прошла пару метров, якобы спрятавшись за редкие ветви ивы, склонившиеся к самой воде.

Ива была очень символической занавеской, поскольку ничего не скрывала. И Марта ничего не скрывала. Но Марк старался не подглядывать, а это было непросто. Он сумел заметить, что под комбинезоном у Марты были только трусики, которые она повесила на ветку ивы.

Он не стал никуда отходить, а, сбросив с себя одежду, состоящую из х/б комбинезона, трусов и спортивных тапочек, на песок, разбежался и нырнул.

Когда он вынырнул, увидел плывущую к нему Марту и тоже поплыл к ней.

В месте, в котором они встретились, было мелко, и он встал на ноги.

Поверхность озера едва покрывала половину груди Марты, хотя прозрачная вода открывала всё остальное.

– Как водичка?

– Сказка. Я не любительница бассейна.

– Тогда у меня к тебе серьёзный разговор. Не утонешь?

Марк старался не думать о периодически выскакивающих на поверхность сосках Марты. И его «не утонешь?» скорее относилось к нему самому, крепко стоящему на дне.

– Постараюсь, – улыбнулась Марта, не без иронии наблюдавшая за взглядом Марка и никак не мешавшая своим соскам выскакивать из-под воды.

– Я могу достать фемисталин твоей маме. Но это должно быть большим секретом. Настолько большим, что заговорить об этом я решился только здесь, в двадцати метрах от берега.

– Поняла. Согласна.

– Согласия мало. Нужно, чтобы твоя мама принимала его только на ночь, а утром принимала другую таблетку, которая выведет остатки фемисталина из организма. И она ничего не должна знать.

И принимать его надо не более одной таблетки.

Выздоровление будет медленнее, чем могло бы быть. Но иначе у федералов возникнет вопрос: «в чём причина?» А так... Возможностей нашего организма никто не знает.

– Поняла и согласна, – уже очень серьёзно ответила Марта.

– Теперь вопрос: как ты всё это объяснишь маме?

– А я не буду ничего объяснять. Вечером я дам ей одну таблетку, утром – другую. Скажу, что витамины.

– Хорошо. Таблетки будут в форме витаминов.

– Согласна на всё. А что взамен?

– Что взамен? Ничего. И вообще, мне неприятно, что ты так обо мне подумала.

– Не обижайтесь, Марк. Просто я вижу, что вы меня хотите.

– И купить тебя таблетками, спасающими твою маму?

– Разве это большая цена? Если захотите, я согласна. Тем более, что и вы мне нравитесь.

Марк не выдержал и рассмеялся.

– Девочка! Признаюсь, и тебе и себе. Ты мне безумно нравишься. Но таблетки – это риск попасть на каторгу. Это я сделаю только потому, что я хочу видеть тебя весёлой.

– Правильный ответ. Но пока таблеток нет, это не будет понято как сделка, – сказала Марта и обвила Марка ногами, и её соски оказались прямо у его губ...

Они чуть не утонули, но это был восторг.

Когда они, расслабленные, лежали на берегу, Марк спросил:

– Милая девочка! И зачем тебе это было надо?

– Ты старый и глупый. Не порти момент. Я давно тебя хотела и видела, как ты поедает меня глазами. Но после того, как ты достал бы таблетки, это выглядело бы как сделка, и тогда этого никогда бы не произошло. Тебя бы идиотское морализаторство замучило. Вот и пришлось поторопиться. Иначе бы – фигу. Но последний шанс – это последний шанс.

– Я действительно этого очень хотел, но даже не мог на-

десяться. Я люблю тебя.

– А этого не надо. Я очень хотела почувствовать твоё тело, а не только взгляд. И ты хоти меня и бери на сканирования всегда.

– А разговоры?

– А плевать. Пошли они все... федералы грёбанные. Ты сам сплетен не боишься?

– Любые сплетни только поднимут мой мужской авторитет. Сплетен я не боюсь. И я смею надеяться, что ты подаришь мне ещё пару таких мгновений.

– А ты этого очень хочешь?

– Очень.

– И сколько мгновений ты бы хотел?

Марк посмотрел на обнажённое тело Марты и уже грустно сказал:

– Я бы хотел несбыточного. Я бы хотел, чтобы эти мгновения продолжалось всю оставшуюся жизнь.

– Честно? Подумай. Я очень не люблю вранья.

– Готов поклясться, чем угодно. Готов даже умереть в доказательство.

– Хорошо. Я согласна на всю оставшуюся жизнь. Но есть одно условие.

– Какое?

– Ты никогда не будешь покушаться на мою свободу.

– В каком смысле?

– Ни в каком. Ты никогда не будешь меня ревновать, чего

бы мне завтра или когда-либо ни захотелось.

– В смысле других мужчин?

– Именно их. Сегодня мне захотелось тебя. Откуда я знаю, чего мне захочется завтра? Я молода и ещё сама себя не знаю. Но пока я только твоя, и плевать, что об этом кто-то будет говорить.

– Ты моя?

– А что сейчас произошло? Ты не услышал того, что я сказала? Для тебя это ничего не значит? Я твоя.

У Марка заколотилось сердце.

– Да. Ты не молодой. Ты себя знаешь. Поэтому, пока ты со мной, ты только мой. Тебе это нужно твёрдо решить, согласен ты или нет на моё условие. Я буду, с кем захочу, а ты – только со мной. Ты хочешь меня такую?

– Это звучит как брачный контракт.

– Это и есть брачный контракт. Ты хочешь такую жену? Ты хочешь жену, свободную во всём? Ты меня такую хочешь?

– Быстро... Брачный контракт, заключаемый нагишом – это круто. Значит, ты будешь спать с кем захочешь, а я – только с тобой?

– Таково условие. Таково условие на всю нашу с тобой жизнь. Если ты, конечно, этого действительно хочешь и согласен, – сказала Марта абсолютно серьёзно.

– На всю жизнь? Жизнь долгая. Я показался тебе слабым? Ты хочешь возможность найти более сильного партнёра?

– Нет. Ты меня во всём полностью устраиваешь, и я надеюсь прожить с тобой эту жизнь. Но секс я хочу иметь с кем захочу. Если мне кого-то захочется, я хочу себе это позволить, не обманывая тебя. Повторяю, я молода. Я бы хотела прожить с тобой всю жизнь, но ты мне встретился рано. Я ещё не нагулялась. И если мне завтра захочется...

– Ты предположительно говоришь о своём «захочется»?

– Нет. Я уверена, что захочется, и не раз. И я хочу, чтобы ты это знал сейчас.

– Странно.

– Что?

– Так, наверное, думают многие девушки, но вступая в отношения, они этого не говорят, а только потом, тайно от партнёра...

– А разве так лучше?

– И ты мне об этом скажешь?

– Конечно. И постараюсь заранее. Я не перевариваю лжи.

– Устный брачный контракт?

– Да. Это устный брачный контракт. Ты полностью мой на всю жизнь, а я... я твоя, но могу.... Так не совсем честно. У меня обязательно будет секс с другими. Когда и с кем мне захочется. Я не буду спрашивать у тебя разрешения, но и обманывать тебя никогда не буду.

– Ясно.

– Что ясно? Условие принимаешь?

Сейчас Марку было хорошо. Ему хотелось быть у Марты

единственным, но он боялся ей возразить. Он так хотел быть с ней и так боялся, что она может передумать. Марта была, как подарок, как приз неизвестно за что. Вряд ли навсегда. А если навсегда, то плата за это не велика. Он и сегодня не имеет на неё никаких прав. А ему, если у него будет Марта, уж точно никто не нужен. Он поцеловал её руку, лежащую на его груди.

– Принимаю.

– Повтори условия контракта.

– Я принимаю условие всегда быть только с тобой, но никогда не покушаться на твою свободу иметь секс с другими мужчинами, когда и с кем тебе этого захочется. Так?

– Я объявляю себя твоей и обещаю никогда тебя не обманывать. С этой секунды я твоя, а ты мой.

– Подписано.

– И не надейся, что это на пару месяцев, мой дорогой муж. Это на всю жизнь, – сказала Марта, как будто угрожая.

«У молодёжи всё – на всю жизнь. Будет счастье, если это на месяц. А почему, собственно говоря, нет? Пусть подарит мне пару мгновений своей юности. Она у меня вряд ли надолго. Ещё пару часов назад я даже на одну такую встречу с ней не мог рассчитывать. Только мечтал. Никому от этого не плохо. Она замечательная девочка», – думал он.

Марк повернулся и поцеловал её грудь.

– Поцелуй меня... – сказала Марта. – Там...

Септалёты

Сегодня были городские соревнования новых конструкций септалётов. Можно было смотреть их дома по информеру или инфонту, но было принято ходить на набережную Днепра с биноклями. Соревнования проходили чуть восточнее Комсомольского острова.

Септалёты были разные. Были продолговатые, как огурцы, были плоские, как тарелки, были такие, чью форму словами описать очень трудно. Рули и закрылки были у каждого свои. Но у всех было одинаковое количество управляющих винтов и один подъёмный.

Марку, смотревшему на происходящее вместе с другими сотрудниками муниципалитета, особенно понравился один септалёт, чем-то напоминавший стрекозу. Два управляющих винта на нём были вынесены далеко назад на длинном тонком хвосте. Посредине в нём размещался главный подъёмный винт. По бокам крытой кабины размещались ещё четыре рулевых винта. Спереди кабины выступал сужающийся вперёд киль.

Марк подумал, что этот септалёт заточен под соревнования на наивысшую скорость.

Сначала септалёты демонстрировали обязательные элементы. Первым была воздушная ромашка. Септалёты рисовали её своим движением, оставляя струю подкрашенного

следа, который должен был образовать в воздухе ромашку. Высшую оценку получали те, чья ромашка была меньше в диаметре. Потом шло горизонтальное кольцо.

В отличие от ромашки, диаметр кольца был задан изначально и был равен шести метрам.

К удивлению Марка, лучшим в этом упражнении был септалёт, который он назвал стрекозой. И сразу стало совершенно понятно, в чём дело. Если другим септалётам нужно было очертить эти шесть метров реальным движением, то «стрекоза» просто вращалась на месте, очерчивая трёхметровый радиус своим хвостом, который и разбрасывал цветной порошок.

Этот финт показался Марку не совсем честным, но по правилам никаких запретов на это не было.

Потом начались соревнования на скорость. Нужно было выбрать такую траекторию для своей машины, чтобы она, стартовав с западной площадки комсомольского острова, облетела все флажки Потёмкинского сада, долетела до поворота Днепра, а далее вдоль реки до острова Кадачок и назад вдоль реки. Высота полёта была любой, время засчитывалось по приземлению. Септалёты стартовали каждые три минуты. Это считалось достаточным, чтобы избежать ненужных склок при обгонах. Но это было не принципиально, потому что в зависимости от конструкции септалёта пилоты выбирали различную высоту движения.

Когда-то, лет двадцать назад, Марк победил в этом виде

упражнения. Он летел на машине, очень маленькой в диаметре, но не менее мощной, чем её конкуренты. Это был гном с выбрасывающимися рассекателями воздуха. Он развернул машину верхушкой в сторону движения, используя для движения подъёмный винт. Рулевые винты, которые обычно для движения и использовались, в его гноме участвовали только в подъёме, посадке, и развороте над Кадачком. Остальное время они все, кроме двух, провели в сложенном неработающем состоянии, передав всю мощность на центральный винт.

Два винта не рулили, а просто не давали септалёту вращаться. Рулей для этого было не достаточно.

Это было рискованно. Никто кроме него не заваливал септалёт на бок. Но Марк был молод и азартен. Он использовал восходящий поток от Днепра, поднимающийся вверх по горе Потёмкинського сада, а потом под сорок пять градусов пошёл вверх. Когда альтиметр показал высоту в четыре с половиной километра, Марк под углом в сорок пять градусов, практически вниз головой, устремился на Кадачок. Развернувшись над Кадачком, он опять пошёл вверх и с высоты четыре с половиной километра буквально упал на посадочную площадку Комсомольского острова.

Все знакомые однозначно определили его в сумасшедшие, а он этой победой гордился до сих пор.

Но результатом этой его победы явилось изменение правил. Было запрещено выключать рулевые винты, превращая

септалёт в монолёт.

Поэтому сегодня так никто не летал.

Но разнообразие полётов, тем не менее, было.

Стрекоза пришла третьей, но по очкам была на втором месте.

Первое место занимала внешне обычная машина со странным расположением рулей и необычно выгнутой конструкцией кабины.

Марк наконец посмотрел программку и увидел, что это машина московского авиационного института. А пилотировал её известный московский чемпион Евгений Чалин.

Марк так был захвачен соревнованием, что сразу и не заметил, что возле него сидит Марта.

– Привет! Сбежала с занятий?

– Какие занятия? Все наши здесь. Вон, Алик Скобелев на своей стрекозе летает. Кто же это пропустит?

– Это твой знакомый, твой сокурсник?

– Не сокурсник. Он с мехмата. Но личность в универе известная.

– Как здоровье мамы?

– Спасибо, лучше. Не то, что совсем хорошо, но врачи уже не предупреждают меня, чтобы я готовилась к худшему.

– Очень приятно слышать.

– Витамины, прогулки, умеренные физические нагрузки делают своё дело.

Глаза у Марты смеялись, и Марку захотелось их расцело-

вать.

Марта правильно оценила его взгляд и тихо сказала:

– Позже.

А соревнования тем временем продолжались.

Разрыв в очках между Чалиным, Скобелевым и остальными участниками был таков, что было ясно, борьба за первое место развернётся между ними.

Начиналось высшее пилотирование.

– За кого болеешь?

– Не поверишь. За стрекозу.

– Ну, тогда будем болеть вместе.

Начались соревнования в фигурах. Это была самая интересная часть соревнований.

Септалёты выполняли разные фигуры.

Оценки были разные, но Чалин со Скобелевым продолжали уверенно лидировать.

Наконец начались упражнения «самоубийц». Так их называли.

Септалёты поднимались на высоту два километра и, падая с неё, должны были совершить максимальное количество мёртвых петель.

Центральный двигатель при этом отключался. Когда участник его включал, отсчёт петель заканчивался.

Не все машины принимали в этом участие.

Сначала выполнялась прямая петля. Во время прямой петли кабина септалёта находилась внутри петли.

Чалин и Скобелев выполнили по двадцать петель, и Чалин, хоть и ненамного, продолжал лидировать.

Предстояла обратная петля, самое высоко оцениваемое упражнение, когда кабина септалёта была снаружи петли.

Перед последним упражнением у Скобелева было то небольшое преимущество, что лидер начинал первым.

Чалин опять выполнил двадцать петель. А выполнить столько же обратных петель, сколько и прямых, было замечательным результатом.

Марк понял, что Скобелев проиграл, но во взгляде Марты читалась надежда, она так держала кулаки за Скобелева и так следила за «стрекозой», что у Марка появилось беспокойство.

И упражнение стрекозы началось. Тут Марк понял, что она собралась вытворить.

Скобелев отключил не только центральный винт, но и винты, стоящие посередине, пустив в противополоток винты, стоящие на длинном хвосте и впереди машины.

«Двадцать делает, но на большее высоты не хватит», – подумал Марк.

Но какое-то расстояние Скобелев всё же выиграл, и когда до воды оставалось метров девяносто, пошел на двадцать первую петлю.

– Он разобьётся – вылетело у Марка.

– Не каркай.

Когда до воды оставалось тридцать метров, стало совер-

шенно ясно, что траектория петли окончится в воде.

И вдруг произошло чудо. Задев кабиной септалёта поверхность Днепра, стрекоза, так и продолжая лететь вверх тормашками, включила центральный двигатель и вышла из петли. Потом она сделала спираль, развернувшись на сто восемьдесят градусов, и полетела на посадку.

Вся набережная ликовала и аплодировала, а у Марка замерло сердце.

И тут произошло нечто неожиданное для зрителей, но не для Марка. Вместо организаторов к септалёту Скобелева подлетел вертолет федеральной полиции.

– Лети. Лети! – прошептал Марк, сжимая кулаки. Вся ревность, вызванная реакцией Марты на Скобелева, ушла в сторону, и он желал только, чтобы этот мальчик взвился в небо и исчез на своём двигателе с аннигилятором.

Скобелев как будто услышал эту молитву Марка. Стрекоза дёрнулась... но поздно. Федералы уже набросили замки с якорями на рули машины.

Марта смотрела на Марка с удивлением и испугом.

– Что? Что происходит? Почему там федералы, и что значит твоё: «Лети»?

– После. Хорошо? Смотри, что происходит, и не реагируй.

Серьёзный тон Марка и его играющие желваки заставили Марту отложить вопрос.

Но смотреть было не на что. Федералы вывели Скобелева и посадили его в свой вертолёт, а кто-то из них сел в септалёт

Скобелева, и обе машины направились в западном направлении, где на углу улиц Чкалова и Короленко находилось их управление.

Вся набережная молчала. В молчании замерли тысячи людей, пришедших посмотреть на соревнования.

И вдруг оттуда, где находились организаторы соревнований, раздался звук громкоговорителя. Микрофон в руке держал Чалин.

– Победа в сегодняшних состязаниях присуждается Алику Скобелеву!

Витамины

– Пижон твой Скобелев и дурак. А Чалин настоящий мужик. Использовать аннигилятор на соревнованиях не только полный идиотизм, но и бесчестно...

– Почему это мой?

– Ну пускай будет мой.

– Нет уж. Мой так мой.

Марк с Мартой шли по жёлто-багряному ковру из листьев осеннего леса. Небо было затянуто облаками и мир замер в ожидании дождя.

– Я без всяких приборов понял, почему он не врезался в воду, а у федералов техника. Лучше бы он в воду врезался. Сто процентов бы спасли. А кто его теперь от каторги спасёт? Ну а случилось такое – лети подальше. Причём сразу.

– А догонят?

– С аннигилятором не догонят. А догонят, так хоть шанс был. А так?

– Ну не догнали. И что потом?

– Потом свобода. Свобода вне цивилизации, но свобода!

Почему ты всё время мне возражаешь?

– Ну тебе же надо куда-то своё раздражение излить. Мне оно не опасно. Обниму, и ты весь мягкий и пушистый.

Марк понял, что Марта права, и ему сразу захотелось быть мягким и пушистым.

– Ну так обними.

Марта обняла его, и они так, обнявшись, пару минут постояли на золотом ковре листьев.

– Может, его отпустят? Ну, может, через пару лет?

– Не отпустят. – Марку стало грустно, и было очень жаль «стрекозу». – За аннигилятор пожизненная каторга без разговоров.

– Маму кладут на обследование.

– Когда?

– Через два дня.

– Прекрати ей давать лекарства и утилизируй их.

– Я уже прекратила и лекарства хорошо спрятала.

– Спрятала? Спрятала – не поможет. Уничтожить надо.

Когда понадобятся, я ещё достану.

Марк увидел красные ягоды. Он сорвал кисть и продел в петлю комбинезона Марты.

– Красиво.

– Это рябина.

– Я знаю.

Они дошли до септалёта, залезли в него и полетели к дому Марка.

Марк был полон предвкушения того, что произойдёт у него дома. В этом предвкушении он уже ласкал Марту. Но вместе с этими чувствами в нём бродило какое-то гаденькое предчувствие. И именно это предчувствие его не обмануло.

Внизу, около входа в свой дом, он ещё издалека увидел

своего «слона».

Марк слегка изменил курс и поднял септалёт выше. Впереди был холм, и это было естественно.

Несмотря на этот манёвр, уводящий его септалёт от слона, два полицейских вертолётá направились в его сторону.

«Я вам не Скобелев. Догоните».

– Держись крепче и пристегнись вторым ремнём, – сказал он Марте.

– Что-то случилось?

– Видимо, таблетки нашли. У меня дома федералы.

В глазах Марты появился ужас.

– Страшнее страха, страха нет. Но вторым ремнём пристегнись.

Собственно, одного ремня было достаточно, но кто знает, какие кульбиты ему предстоят? Крест-накрест безопаснее.

Марк включил аннигилятор на центральный винт, пустив всю остальную мощность на противовращение центральному винту, и, как ракета, взмыл вверх.

Постепенно он наклонил траекторию полёта до сорока пяти градусов, и вертолётá исчезли. Видимо, такое поведение было неожиданным для федералов, а Марк давно просчитал своё поведение в случае форс-мажора.

Он посмотрел на Марту.

Ужас с её лица исчез, но полное непонимание происходящего и растерянность остались.

– Не бойся. Всё будет хорошо, только мне придётся исчез-

нуть.

– Навсегда?

– Навсегда.

– Я на втором месяце.

Лучшего времени для этого сообщения представить было невозможно.

– Я очень счастлив и надеюсь, что ты сохранишь нашего ребёнка. Но у меня выбор не велик: либо исчезнуть, либо отправиться на каторгу, а значит тоже исчезнуть.

– А что со мной?

– У тебя аннигилятора не было. Я оставляю тебя в каком-нибудь посёлке, и ты спокойно возвращаешься домой, сваливая всё на меня. Ну не знала ты, что это за витамины.

– Ты думаешь, федералы не умеют допрашивать?

– Умеют. Но аннигилятора у тебя не было. Максимум общественные работы.

– Нет. Я исчезаю с тобой. Как ты сказал: «Свобода вне цивилизации, но свобода!» Рябину будем есть.

– Пожалуйста, подумай, чтобы потом не жалеть.

– Ты меня гонишь? Может, ты не сможешь со мной спрятаться?

– Я всё смогу, и я тебя не гоню. Но подумай. Возврата может и не быть.

– Я подумала.

– Я ещё раз спрошу: ты уверена?

– Да. Я исчезаю с тобой. С тобой я буду жить и с тобой

погибну.

– Тогда давай сюда свой коннект, если решила.

Коннект был устройством, по которому любой мог связаться с любым другим. По голосу коннект немедленно определял, кто на связи. Но по коннекту можно было установить местонахождение каждого его обладателя.

– Марта! Я буду счастлив, если ты будешь со мной. Но я боюсь сделать несчастной тебя.

– Я уже решила. Исчезаем вместе, – сказала Марта, отдавая Марку свой коннект.

– Я тебя люблю, – сказал Марк, вынимая батарейки из своего коннекта и коннекта Марты.

– Я тоже тебя люблю.

Если бы не ситуация... Марта в первый раз произнесла эти слова. Марк периодически «признавался» ей в своих чувствах, но Марта каждый раз сводила эти признания к шутке.

Но ситуация обязывала.

Когда они достигли пяти километров, им стало не хватать воздуха.

Тогда Марк включил центральный двигатель в обратную сторону, а три балансирующих двигателя на противовращение и быстрее камня полетел вниз.

В глазах Марты опять появился ужас.

– Всё в порядке. Иначе нас могли сбить какой-нибудь ракетой.

На высоте двести метров Марк начал торможение и на высоте десять метров завис над берегом Днепра.

Марта глубоко вздохнула.

– Извини, но я описалась.

– Это нормально, но придётся немного потерпеть.

– Я потерплю.

– Хорошо ещё, что не обкакалась.

– Издеваешься?

– Марта! Всё будет в порядке. Будет даже лучше, чем ты это представляешь сейчас. Но нужно потерпеть.

Марк летел не наобум. Он летел на Федотову косу. До неё оставалось не меньше часа быстрого лёта, и тут грянула гроза.

Лететь в грозу было не так уж безопасно, но зато была гарантия, что под грозовой тучей он будет незаметен для любых спутников и наблюдателей.

А дождь грянул знатный.

Но ливень быстро перешёл в морось, и лететь стало намного легче и безопасней.

– Вот мы и дома. – Сказал Марк, посадив септалёт на огороженный серым забором участок. – Холостяцкие апартаменты.

С одной стороны этого участка находился трёхметровый жестяной ангар, коричнево-бурый от ржавчины, а с другой – не то недостроенный, не то разрушающийся дом.

С одной стороны дома на втором этаже окна были застек-

лены и туда вела металлическая лестница.

Марта смотрела на всё окружающее с удивлением, а Марк открыл ворота ангара, запарковал там септалёт и повел Марту по этой железной лестнице.

Там было две больших и абсолютно пустых комнаты, закрытых стёклами, и закрывающаяся дверь, ведущая в комнаты, которые не были застеклены.

Марк открыл ее и зашёл. Марта заглянула за дверь и увидела, как он разбирает какую-то кучу больших серых дырчатых кирпичей.

– Шлакоблок, – сказал он. – Из таких кирпичей когда-то построили этот дом.

Под кирпичами оказался большой ржавый ящик на колёсиках.

Марк закатил его в застеклённую комнату.

– Аннигилятор?

– Он, родимый. Вместе с чунити, компьютером и скачанной пять лет назад базой. Это самый большой чунити, что мне удалось добыть.

– Тогда нельзя ли мне просушить трусики и обогреть помещение.

– Хорошо. Только в обратном порядке.

Марк включил аннигилятор на нагревание до двадцати шести градусов.

– Раздевайся.

Забрав трусики и комбинезон Марты, он отдал ей свой

комбинезон и пошёл вниз.

Марта принесла несколько шлакоблоков. Найдя в холодных комнатах кусок картона, устроила из шлакоблоков два сносных места для сидения.

Марк принёс мокрые прополосканные комбинезон и трусики и повесил их на какой-то торчащий из стены штырь. Вторым заходом он притащил какую-то кровать, сделанную из цепляющихся друг за друга крючков.

Потом принёс какую-то траву и ветки, перевязанные проволокой.

Забросив часть травы в аннигилятор, он набрал какую-то программу, и из чунити поползла метровой ширины мягкая приятная материя.

– Это атлас. На женское бельё номер программы я не помню. Найдём потом.

Когда из чунити выползло несколько метров ткани, Марк изменил программу и получил нитки, иголки и нож.

Всё это он вручил удивлённой Марте.

– Справишься?

– Да ты волшебник.

– Это не я. Это Тао Рубинштейн волшебник. А я только учусь, – сказал Марк, вручая Марте сочный кусок светлого черепашьего мяса.

Дом

На верхнем этаже дома было четырнадцать комнат. Но они были разгорожены стеной, проходящей через весь дом.

Наверное, когда-то этот дом принадлежал двум семьям, потому что такая же перегородка была и на первом этаже.

В большой комнате второго этажа на обеих половинах была дырка в полу, которая, как предположила Марта, должна была быть внутренней лестницей. В этой же комнате были двери, через которые можно было войти в шесть небольших спален.

Вообще дом за те две недели, которые прошли с момента побега от федералов, приобрёл изнутри вполне ухоженный вид.

Марта командовала Марком, говоря, что ей надо, а Марк придумывал, как это сделать.

Даже с чунити совсем не всё было просто. «Самый большой чунити», который у них был, выдавал детали не более метра в ширину и двух десятков сантиметров в высоту. Поэтому многое приходилось склевать. В перерывах между заданиями Марты Марк изготовил несколько небольших, «карманных», как он их назвал, аннигиляторов, и теперь в помещении всегда было тепло, и дождевая вода и в душе, и маленьком бассейне была тёплой.

Марта потребовала себе отдельную комнату и отдельную

кровать, и это было сделано.

Комната была устлана приклеенной на пол нескользящей пластиковой плёнкой, не пропускавшей холод снизу. Стены стали зелёными с фиолетовыми разводами, а возле кровати и на ней лежали ковры с коротким, густым и мягким мехом.

– Зачем тебе держать дистанцию? – спросил Марк.

– Нас только двое, и мы можем, друг другу так надоест, что поубиваем один другого. А мне рожать. Я не хочу, чтобы ребёнок рос без отца.

– Кто кого убьёт, у тебя сомнений не вызывает?

– Нет, не знаю. Ты как тихий омут. Разве я могла когда-нибудь предположить, как ты будешь реагировать на опасность, и что у тебя уже всё заготовлено?

Вот ещё месяц, и дом превратится в дворец. Что ты будешь делать дальше? Ведь просто жить, любя меня, как я понимаю, ты не собираешься?

– Не собираюсь. У меня есть определённые счёты с федералами, но к их реализации нужно хорошо подготовиться и подушечку подстелить.

– Насчёт подушечки я тебя поддерживаю. Но зачем тебе федералы? Рано или поздно у них всё развалится. Люди их ненавидят. Если человек проживёт больше ста, они запретят ему медицинскую помощь. А моей маме всего шестьдесят. И что?

– Эта система будет держаться очень долго, если её не подтолкнуть.

– А по поводу подушечки... Завтра ты начинаешь учить меня обращаться с чунити.

– Хорошо.

Но быт продолжался, и продолжался до весны.

Появилась внутренняя лестница, все окна были закрыты прозрачным в одну сторону пластиком и непрозрачными шторами. Свет был во всех комнатах.

Наполовину был готов в два раза больший чунити, и у Марка была надежда, что он будет работать. Уверенности не было. Маленькие чунити, которые он изготавливал, работали, но таких больших, как он решил изготовить, он даже никогда не видел. А ему был нужен именно большой.

Рожать Марта должна была в апреле, и к этим родам тоже всё возможное было готово.

Были получены все необходимые лекарства, инструмент и знания. Но Марк очень волновался.

Он до этого знал, что женщины рожают, но не знал подробностей. Сейчас по базе, в которой кроме рецептов для чунити, казалось, собраны все человеческие знания, он выучил всё, что нашёл.

Но это была не та ситуация, в которой хотелось скорее применить все полученные знания. Но кроме него принять роды было некому.

Чтобы не отвлекаться на переживания о неотвратимых проблемах, он решил, что оставит их до того момента, когда

эти проблемы нужно будет решать, а пока сосредоточится на работе. А работа была.

Кроме продолжения обустройства их нового жилища Марк, между домом и ангаром соорудил навес, изображавший то, что было под ним. Так что со спутника картинка не должна была меняться.

Это дало ему возможность проходить в ангар прямо из дома, и когда была большая облачность, вылетать на септалёте, собирая для дома всё, что могло пригодиться.

Неподалеку, под одним из пролётов заброшенного «Путинского» моста через Тузлу в Керчь, Марк нашёл несколько больших строений, в которых решил создать маленькую резервную базу. Особо он там ничего не делал, но оставил несколько небольших аннигиляторов с небольшими чунити, замаскировав их разным сусором.

Дом на Федотовой косе, обе его половины тоже были приведены в относительный порядок.

Но главное, чем Марк занимался – это большой чунити.

К апрелю, когда Марта должна была рожать, этот чунити был почти готов.

Роды прошли на удивление легко. «Глаза боятся, а руки делают», как говорила его бабушка.

Марта покричала. Поклялась, что никому и никогда больше не даст, и родила.

Марк обрезал и завязал пуповину маленькой девочке.

10 апреля, утром, в без пятнадцати восемь у него родилась

дочь, которую называли Дашей.

Шлёпнув Дашу по попке, так что она закричала, он передал её Марте.

Даша сразу успокоилась, и Марта, улыбаясь, гладила её за маленьким ушком.

– Не обращай, пожалуйста, внимания на те глупости, которые я наговорила от боли. Я тебя люблю, – сказала Марта, прижимая к груди свою дочь.

Всё внимание сосредоточилось на Даше.

Качественное молоко, подгузники, чистый воздух – всё это отнимало у Марка возможности даже думать о чём-то другом.

Первого мая был традиционный праздник, Марта и Марк отметили его вместе. Купались в море нагишом.

В том, оставленном ими, мире это было молодёжной традицией.

Первого мая все собирались на берегу, раздевались донга и вскакивали в очень холодную воду, почти сразу выскакивая из неё.

Согревал вид обнажённых одноклассниц, потом сокурсниц. Потом все бегали, согревались, одевались и всё. Взрослые смотрели на эту забаву косо, но вспоминали свою юность. И делали вид, что ничего не замечают, когда их сыновья и дочери собирались на первомайское купание.

Обычно это было купание в Днепре, но до Днепра далеко, а от забора их дома до моря было всего тридцать метров.

– Да здравствует Первомай! Да здравствует Коммунизм! – кричал Марк, забегаая в жгущую холодом воду. – Смерть федералам! – кричал он, выскочив из воды и обтирая и Марту, и себя длинным мягким полотенцем.

Но вынырнул он не только из холодного Азовского моря. Вынырнул он из родовых и послеродовых хлопот. Марта вполне справлялась с чунити. С Дашей всё было в порядке, она была спокойным и весёлым младенцем. А пора ему возвращаться к главной работе.

А главной работой был чунити.

Когда большой чунити был готов, он выглядел точной, хоть и увеличенной, копией чунити, с помощью которого был создан. Вот только работать он почему-то не хотел.

Марк проверял и перепроверял всё, но всё было напрасно. Чунити жужжал, но кроме этого никакого эффекта не было. Встроенный в него аннигилятор работал вхолостую.

«И с чего я вообразил себя электронщиком и механиком?» – ругал себя Марк.

Но ругань делу не помогала. И если с родами он справился, то для того, чтобы запустить большой чунити, требовался больший, чем он специалист.

А специалисты были только на каторге.

Значит, решил он, нужно их оттуда забрать.

Вообще Марк именно это и собирался делать, чтобы начать воевать с федералами. Но он собирался это делать после того, как будет работать большой чунити. Однако не по-

лучалось.

Парализаторы он сделать мог, атомные аккумуляторы к ним, бомбы размером с кулак, десятки дронов, которые будут имитировать нападение с другой стороны каторги, чтобы отвлечь внимание охраны, он создавал. А вот большого транспортного вертолѐта, чтобы увезти всех каторжан под Путинский мост, без большого чунити он создать не мог.

Ну и ладно. Нужно обходиться тем, что есть.

Каторга

Каторга находилась в Харькове. Это был большой лагерь с бараками, окружённый забором из колючей проволоки, по некоторым ниткам которой шло высокое напряжение. Вокруг этого лагеря стояли старые высотки. Некоторые были в полуразрушенном состоянии. Найдя в крыше одной из высоток большой пролом, Марк посадил туда свой септалёт и замаскировал пролом материей под цвет крыши.

Через окно в бинокль он мог наблюдать распорядок дня на каторге.

Охрана заботилась о том, чтобы каторжане не сбежали. Но охраняли каторгу только изнутри. Видимо, никто и никогда не пытался прийти каторжанам на помощь.

Марк наблюдал за каторгой несколько дней.

Утром, в семь часов, каторжан на больших транспортных вертолётах с надетыми на руки пластиковыми шнурами увозили в разные стороны. На день лагерь оставался практически пустым. Марк решил, что каторжан возят на какие-то работы.

Вертолёты возвращались в лагерь с пяти до шести вечера. Каторжан вели в огромный длинный барак в центре лагеря, где, как предположил Марк, их кормили.

Потом, к часам к девяти вечера, всех каторжан, а их было около полутора сотен, собирали на площади, где происходи-

ло нечто странное.

Видимо, это было какое-то подобие гладиаторских боёв, решил Марк.

Посредине площади, куда собирали каторжан, была большая клетка.

Туда заводили двух из каторжан, давали им большие ножи и выпускали только тогда, когда один из каторжан убивал другого.

Почему каторжане не отказывались драться, Марку было непонятно, но он решил, что это самое лучшее время для нападения на каторгу.

Когда небо заволокло тучами приближающегося июньского дождя, он решился.

«В конце концов, – думал он, – Марта уже в состоянии сама прожить и может даже вернуться в город, сказав, что Марк её насильно похитил». Он сказал ей о такой возможности перед вылетом, но она сказала, что уверена в успехе его операции и будет непременно ждать его возвращения, сколько потребуется.

Когда стемнело, он направил дронов на атаку со стороны города. Часть дронов должна была перелететь сквозь колючую проволоку и, стреляя воспламеняющимися иглами, поджечь здания, в которых жила охрана каторги. Вторая часть дронов с маленькими, но достаточно мощными бомбами должна была бросать их на эти здания и вокруг них, и на вертолётные охраны, когда охрана начнёт их тушить. В момент

начала нападения должен был включиться генератор помех, который не даст сообщить охране о нападении в федеральный центр.

В это время с противоположной стороны лагеря заграждение, будет разорвано на расстоянии пяти метров, что должно хватить, чтобы все каторжане могли сбежать.

Всё началось точно по плану, но не вся охрана бросилась тушить помещения. Пять человек с мощными парализаторами скомандовали каторжанам собраться в клетку для боёв. Но был такой шум от взрыва бомб, что септалёт Марка, опускавшийся сверху, никто не заметил.

Марк одним лучом парализатора скошил всех охранников, явно неготовых к такому повороту событий.

Марк выбросил из септалёта сотню парализаторов и проорал:

– Есть специалисты по чунити?

Откликнулось пять человек.

– В септалёт! – скомандовал Марк. – Остальным разобрат парализаторы, и в эту сторону. Там ограды нет. Поздравляю со свободой.

Марк хотел взлететь, но тут увидел зависшие над септалётом два вертолётa охраны.

Он бросил свой, очень мощный, парализатор одному из пяти своих пассажиров, а сам направил септалёт буквально в полуметре над землёй в сторону горящих помещений охраны.

Он проскочил между двумя горящими домами. Вертолёт-ты охраны вынуждены были подняться из-за полыхающего пламени. В образовавшийся просвет Марк и направил септалёт.

Парализаторы на вертолётах были очень мощные. Марка обожгло лучом парализатора, и он на некоторое время потерял сознание. Но септалёт уже летел вверх ракетой.

Он очнулся, когда альтиметр показывал четыре километра над уровнем моря. Небо вверху было чистым.

Он включил режим падения под тридцать градусов на восток. И только когда вновь оказался под тучей, направил септалёт в сторону Федотовой косы.

– Давайте знакомиться. – Марк назвался.

– Павел Петровский, – сказал один из пассажиров.

– Валерий Стрелков, – сказал другой.

– Алик Скобелев, – сказал третий.

Ещё двое молчали.

– Они, наверно, ещё без сознания, если, конечно, живы, – сказал Валерий Стрелков.

Марк посадил септалёт на первую попавшуюся поляну.

Реанимация ничего не дала. Охране таки удалось убить двоих его спутников. Видимо, они попали под прямой луч, который задел и Марка.

Было около полуночи, и ребят похоронили тут же, на поляне. Марк не хотел везти мёртвые тела, чтобы их увидела Марта. А мёртвым уже всё равно.

– Володьку сегодня выгоняли в клетку на бой... – сказал Петровский. – Он бы всё равно сегодня умер. Наверно, судьба. Но умер свободным человеком.

Имени второго погибшего никто не знал.

Они молча постояли над двумя холмиками.

– Надеюсь, коннектов у вас нет? – спросил Марк.

– Нет. Коннектов у каторжников нет, – ответил Алик

– Ну тогда полетели дальше.

– А куда?

– Домой.

Домой

Летели они не быстро. Кроме того, что летели почти в абсолютной темноте, то там, то здесь сверкали молнии, но дождь не начинался.

Утром, восьмого июня, Марк посадил септалёт под навес и, показав своим спутникам рукой на дом, сказал:

– Мы дома. Мой дом теперь наш дом.

Марта, увидев посадку септалёта, вышла их встречать.

– Здравствуйте! – сказала она, улыбаясь. – Добро пожаловать. Меня зовут Марта. Завтрак готов. Но сначала – мыться и переодеться.

Спутники Марка, кроме Скобелева, тоже представились.

Поскольку душевых кабинок было пока только две, Марта направила в них Стрелкова и Петровского. Когда те ушли, она повернулась к усевшимся на табуреты Марку и Скобелеву.

– Теперь я хочу вам представить друг друга.

– Мы уже знакомы, – сказал Марк.

– Ещё раз не помешает, – сказала Марта и, повернувшись к Скобелеву, продолжила. – Мой муж и отец нашей дочери, Марк Лукьянов.

Потом повернулась к Марку и сказала:

– Мой бывший... – Марта сделала ударение на слове бывший – ...ухажёр и любовник, Алик Скобелев. Это, чтобы не

было недомолвок и недоразумений.

«Хорошо, что я сижу», – подумал Марк, а потом, подумал, что Марта поступила совершенно правильно. Ревность он таки испытал к Скобелеву. И то, что Марта назвала Скобелева бывшим, а его представила своим мужем, Марка успокаивало, хотя и не сильно. Но, в конце концов, Марта – это приз, на который, по справедливости, он и не мог рассчитывать, но он его получил. Просто, он как-то забыл за последнее время о существовании других мужчин – как мужчин.

Тут голос подала Даша.

– Надеюсь, вы без меня справитесь? Мне нужно кормить ребёнка, – сказала она и, улыбнувшись, вышла из комнаты.

Первым заговорил Скобелев.

– Марк, вы говорили, что вам нужны специалисты по чунити. Может, пока ребята отмываются, расскажете, зачем?

Марк был благодарен Скобелеву, что тот нашёл такой простой и тактичный выход из неловкой ситуации.

– Ну, пойдёмте.

Он повёл Скобелева на первый этаж, в комнату, где стоял его большой чунити.

Скобелев внимательно осмотрел внутренность прибора.

Потом, взяв в руки переходную шину, спросил:

– Вы скопировали её с меньшего чунити?

– Конечно.

– Тогда понятно. Дело в том, что шина на тот чунити, который стоит в вашей гостиной, имеет несколько триллионов

контактов. И если поставить её на такой большой прибор, часть пространства выходящей детали будет пустой. А величину промежутка более заданного числа чунити не принимает. Если он нужен, его задают программно. Тут нужно две шины и встроить ещё один интерфейс в компьютер.

– Это возможно?

– Конечно. Но немного повозиться придётся и придётся пожертвовать скоростью выхода. Всё будет в порядке. Я за это берусь.

Когда они поднялись, ребята уже вышли из душевых и сидели в гостиной в белых махровых халатах.

– Ну и мы пойдём приведем себя в порядок. Я, наблюдая за вашей каторгой, почти неделю не мылся.

Когда Марк и Скобелев, помытые, вышли в гостиную, на столе дымилось пюре и бифштексы из бизона. Марта выставила на стол салаты из крабового мяса, чесночный салат из сыра, паштет из соловьиных язычков и двухлитровый плоский бутыль розового коньяка.

Бутыль, с надписью «Гамза», на выцветшей этикетке, Марк нашёл, а всё остальное было не из природы, а из чунити.

Марта на секундочку отозвала Марка к чунити и тихо, так, чтобы никто не слышал, пробубнила:

– Только не ори от радости. Мне уже можно. Хотя пока лучше в анус. Так что не напивайся.

– Ну что же, давайте выпьем за завтрашний день? – сказал

Стрелков.

– Давайте сначала помянем тех, кто уже не сможет с нами выпить, – сказал Петровский.

Возражений не было.

Они выпили, закусили, выпили за свободу, поели, и когда уже сидели, расслабившись, Марк рассказал, как он готовил побег, а ребята рассказывали о жизни на каторге.

Так прошла пара часов.

– Мне кажется, вам всем пора поспать, – сказала Марта. – Давайте я покажу вам ваши комнаты. Время поговорить ещё будет.

– Хорошо, – сказал немного захмелевший Марк. – Спален приготовлено шесть, так что сможете выбрать.

Спальни находились во второй половине дома, вход в которую был пока только через первый этаж.

– Посиди пока с маленькой, – сказала Марта и пошла разводить гостей. Им нужно было многое показать. Входы, выходы, туалет.

Марк пошёл к Даше.

Он переживал, что Марта задержится у Скобелева. Она же пошла показывать ему его спальню. А ей уже можно. Очень не хотелось, чтобы это «можно» было с другим.

Он напряжённо ждал возвращения Марты, борясь с желанием пойти и проверить, что она делает. Но чтобы она там ни делала, его ревность была для него унижительной.

Но Марта вернулась минут через пятнадцать.

– Я так переживала, – сказала она, обнимая его. – И я соскучилась.

– И я тоже.

Марк был счастлив. Его ревность к Скобелеву куда-то отступила. Он ласкал Марту. А потом... Потом не заметил, как уснул.

Марта о себе

– Слушай, а как у вас было со Скобелевым? – спросил Марк, когда проснулся и Марта вошла в его комнату.

– До чего вы, мужики, противные. Что ты хочешь? Подкормить свою ревность? Помнишь уговор? Ты принял условие.

– А разве с тех пор ничего не изменилось?

– Изменилось или нет, но уговор в силе? Повтори его.

– «Никогда не покушаться на твою свободу иметь секс с другими мужчинами», – мрачно повторил договор Марк. – Договор в силе. Просто я думал...

– А ты не думай и не ревнуй. Тебе со мной хорошо?

– Очень.

– Ну так и радуйся, а не пытай.

– Слушай, а я ведь о тебе вообще ничего до сих пор не знаю. Расскажи о себе.

– Я мать твоей дочери. Тебе мало? Надеюсь, ты не сомневаешься, что твоей?

– Не сомневаюсь. Ты прямая, как линейка, и говоришь правду даже тогда, когда не обязательно её выпячивать. Ну «чтобы не было недомолвок и недоразумений». Но я же не тянул тебя за язык с признанием, что Скобелев твой любовник?

– А я обещала тебе не врать. И всё выполняю. Скобелев

– бывший любовник. Бывший.

– А что плохого, что я хочу знать больше о матери своей дочери, которая всё равно совершенно свободна.

– Это ты только говоришь, что свободна, пока я не захотела своей свободой воспользоваться. А если я сейчас же пойду к Скобелеву?

– Да. И я не хочу врать. Мне будет это... не по душе. Наверно, будет больно. Но я сдержу своё слово. Ты свободна. Иди.

– Это правильный ответ. Иначе получилось бы, что я тебе безразлична, и просто предоставляю тебе секс услуги. Но будь спокоен. Я не собираюсь пока пользоваться своей свободой, а когда соберусь, ты обязательно узнаешь об этом до того, а не после.

– И на том спасибо. Но всё-таки расскажи о себе. Что тебя сделало такой честной и прямой? Не все женщины такие.

Марта села к Марку на кровать.

– Наверно, я просто молода и неопытна. Да и противно мне лгать, чтобы соответствовать каким-то стандартам. Я такая, как я есть. Я не собираюсь делать что-то, чтобы кто-то думал обо мне лучше, чем я есть. Мне это противно. Это тоже ложь, хоть и не прямая.

Ладно. Но не пожалей потом. Я не знаю и не хочу знать, что можно, а что нельзя мужчине рассказывать, поэтому буду рассказывать всё.

– Рассказывай всё. Я не буду меньше тебя любить, что б

там у тебя до меня ни было.

– Ну как знаешь. Родилась я в Якутске. Но это ты знаешь. Мой отец был микологом. Он всю жизнь пытался разобраться с размножением арктических грибов и не особенно задумывался о собственном размножении. Он был старше матери на пятьдесят лет. Это, конечно, редкость. Но они любили друг друга, и им было хорошо.

Я появилась на свет, когда матери было сорок, а отцу девяносто. К тому моменту они прожили вместе двадцать три года.

У отца был высокий статус, а мать всегда была простой служащей, и главная её работа была любить отца.

Когда мне было десять лет, отец простудился, и федералы его буквально убили, не дав возможности вылечиться.

Я ещё тогда их возненавидела.

После смерти отца мы прожили в Якутске ещё три года. В Якутске хорошие зарплаты, но это дорогой город. Тогда, когда мать поняла, что её зарплаты на жизнь в Якутске мало, а сбережения, сделанные отцом, таяли, мы переехали в Екатеринбург. Зарплата служащей практически не отличается от Якутска, а жизнь значительно дешевле.

Там я окончила школу. Я не ленива, и закончила школу лучшей в классе, получив карт-бланш на университет.

Рассказывать тебе, как я потеряла девственность? Я честная.

– Рассказывай.

– Ну смотри. Это немного грустно. Мы с подругой и пятью одноклассниками после выпускного поплыли на лодках в плавни за Шефским. Купались, загорали. Потом начали играть в кости. Я проиграла желание. Ну а мой одноклассник обнаглел и пожелал, чтобы меня, голую, подруга связала во вполне определённой позе. Я такого наглого желания не ожидала. Да и никто не ожидал. Ну, думала, что он загадает мне раздеться или поцеловать его. Хотя на первомайских купаниях мы все друг друга голыми уже видели. Но это было бы нормально, да и я была к этому готова. Но такое...? Все были уверены, что я откажусь. Но я же честная? Проиграла, значит надо выполнять. Ещё и сама руководила, как меня покрепче связать. Где верёвка недостаточно туго натянута. Ну, чтобы я никак сопротивляться не могла тому, что со мной будут делать. Ещё и смеялась, хотя было очень страшно. Жутко просто было. Но я смеялась. Всё казалось каким-то нереальным. Ну что они могут мне сделать? Ну погладят во всех местах. Ну грудь и там всё помацают. Ну что ещё? И сначала они таки начали меня мацать. Целовали грудь. Гладили вагину, расправляя губы. Слюнявили пальчик и терли клитор. В общем, изучали. Было стыдно и гаденько, но я немного и успокоилась, и возбудилась, смеялась и говорила, что боюсь щекотки.

Но когда тот парень, с которым я, собственно, и приехала, потрогал меня там и почувствовал мою влагу, он, глядя прямо мне в глаза, вошёл. Вошёл и, наверное, наблюдал, как

от боли расширяются мои зрачки. Было очень больно. Я не представляла, что может быть так больно. Об этой боли ведь не распространяются те, кто её пережил. Главное для меня было не расплакаться. Но я сцепила зубы, терпела и не кричала. Там же всё равно никто не услышит. И зачем тогда спрашивается, я согласилась с ними туда поплыть? Наверное, именно для этого. Хотя, конечно, такого я сознательно не планировала.

Потом они меня, связанную, все по очереди и взяли. Тогда тоже было больно, но не так. И было в этом что-то новое, даже приятное. А подругу и связывать не пришлось. Она сама за них держалась и кричала «мамочки!», пока один её дефлорировал.

Мы там ещё пару дней «загорали». Меня как будто отключили. Была полная апатия. Меня брали уже не связанную. А подруга учила делать минет. Я училась. Я никому ни в чём не отказывала. Но мне было всё равно. Как будто там была и не я.

Они не думали, что делают мне плохо. Я сама во всём виновата. Они все нормальные ребята. Когда я сама разделась и себя связала – это ведь не изнасилование? Но больше я с ними не встречалась. Даже не знаю, почему.

Мы проучились вместе шесть лет, но сегодня я не помню, ни их имён, ни их лиц. И вообще, я об этом уже не помнила, если бы ты не начал меня допрашивать.

Потом я поступила на биофак, на специализацию миколо-

гия, но специализация начинается только с третьего курса.

А со Скобелевым познакомилась в театральном университетском кружке. Мы делали спектакль о древних временах России. Был такой меценат Волошин. Всё происходило в Коктебеле. Я играла молодую Марину Цветаеву. Это поэтесса. Любовь у древних практически от нашей ничем не отличалась. Скобелев играл любовника Марины. На сцене он меня обнимал, и мы целовались. Целовались по-настоящему. Он умеет целоваться. Он говорил, что и у меня это здорово получается.

Всё было по-настоящему. И даже внешнее сходство с Цветаевой у меня было, хоть и глаза раскосые. Правда, было.

«Моим стихам, как драгоценным винам

Настанет свой черёд...»

И вообще я историю очень люблю. И особенно ту, которая касается любви и отношений женщин с мужчинами. Но к Скобелеву. Это же тебя интересует?

– И это.

– Это, это. Потом, когда первый курс уже заканчивался, мы пошли на первомайские купания. Я не хихикала, не прикрывалась ручкой, и не подгибала ног, сжимая колени, как это делали мои сокурсницы.

Когда Скобелев увидел меня голой и не стесняющейся своей наготы, он делал мне тысячи комплиментов и не отходил от меня. А я, дура, радостно вертела перед ним своей попой и сиськами, которые он, надо сказать, очень умело,

расхваливал.

А когда мы искупались, я позволила ему обтереть меня полотенцем и не возражала, когда он обтирал меня там... ну ты понимаешь, где. Я стояла и смотрела ему в глаза. А потом, когда его рука была там, я его поцеловала. Ну, я вообще была сама на всё готова. Он особых усилий не предпринимал. Просто подобрал, что плохо лежало, и пользовал. Мне тогда это было очень приятно. Голой меня во всех позах фотографировал. Говорил, что я красивее инфонтных красавиц.

– Тут я, кстати, с ним согласен.

– Это ты просто в меня влюблён. Но ты не врёшь. Ты действительно так считаешь.

Такие отношения со Скобелевым продолжались до осени.

Потом к нам на кружок пришла какая-то рыжая. Скобелев стал оказывать ей такие же знаки внимания, как и мне. Мы поругались, и он перестал быть для меня интересен. Да и из кружка я ушла.

Ну. Накормил свою ревность? Если хочешь, могу рассказать, где и в каких позах.

– Потом, если мне захочется, расскажешь?

– А сейчас не надо?

– Сейчас не надо.

– Ладно. Просто Скобелев был чем-то более серьёзным, чем прогулки с одноклассниками.

Скобелев – это было совсем другое. Мне с ним было очень приятно. Я и относилась к нему хорошо, даже после того,

как порвала. Он мне не интересен. Он слишком собой восхищался. Но он хороший мальчик. Он старался, чтобы я получила удовольствие. Он был чутким. В какой-то мере он вылечил меня после тех соучеников. С ним я действительно стала женщиной.

Марта задумалась.

– Я зря тебе это рассказала. Ты меня осуждаешь?

– За что? За то, что ты доверяешь мне всё, даже самое сокровенное?

– Спасибо.

– Мм... Вопрос только из любопытства. У твоей честности есть предел?

– Нет. Но если ты хочешь, чтобы он был...

– Нет. Я люблю тебя такой, как ты есть, со всем, что в тебе есть. Пожалуйста, не меняйся.

– Тогда слушай дальше. Тебе интересно?

– Очень интересно.

После разрыва со Скобелевым у меня, до нашего озера, никого не было.

– Ну вот.

– А ты думал, клубничка будет продолжаться? – Марта улыбнулась. – Я бы рассказала, но придумывать лень. Так что продолжу.

После разрыва со Скобелевым я повзрослела. Все мужики казались или просто похотливыми козлами. Они все хотели сделать меня своей собственностью. Пытались это сде-

лать даже до того, как отношения начались. Я сама не была им интересна. А ты выгодно выделялся. Ты пожирал меня глазами, но ни разу не сделал не то, что предложения, но даже намёка. Только от моих расстёгнутых пуговиц глаз не мог оторвать. – Марта улыбнулась. – Как мальчик. Мне было ясно, что ты меня очень хочешь, но, наверное, и себе боишься в этом признаться. Мне это целомудрие очень понравилось. Оно меня завело. Я таких мужчин до тебя не видела. Получалось, как будто ты девушка, а я мужчина. Мне как мужчине захотелось тебя соблазнить. Очень захотелось.

Конечно, это шутка. Просто я была уже взрослой женщиной, а ты – мальчишкой.

А когда мы пошли на озеро, я уж думала, что мальчик Марк, наконец, решился сам меня совратить, потому и предложил купаться нагишом. Я вся горела и раздевалась специально так, чтобы ты меня всю видел. Ну, всё показала. Я думала, ты меня прямо на берегу возьмёшь. Пыталась поймать твой взгляд и ждала. А ты нырнул, почти до середины озера.

И оказалось, что ты устроил это купание только для того, чтобы безопасно поговорить о фемисталине.

Тут уж я не выдержала. Да и как? Я разделась. Мы наедине. Я перед тобой голая. Вода достаточно прозрачна. Я на цыпочки становлюсь, чтобы сосками перед тобой повертеть. У тебя текут слюни. Да мысленно я, раздеваясь, тебе уже отдалась. Я текла.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.